

В очень обстоятельном исследовании Е. К. Виртшафтер рассмотрены проблемы самоопределения сословий в XVIII в.³¹ Автор приходит к выводу, что организованного, сознательного среднего класса и его организованного «движения не было».³² Так подводится итог тем спорам, которые шли среди историков, совершенно независимо от интересующей нас дискуссии.

Российская исследовательница Е. Н. Марасинова не касается прямо проблем третьего чина в XVIII в., но, в сущности, сосредоточив свое внимание на той части дворянства, которую она предпочитает называть «элитой», она не считает проблему третьего чина заслуживающей серьезного внимания. Таким образом она примыкает в основном к позиции Гуковского, отрицавшего создание в России XVIII в. третьесословной идеологии.³³

Мне хотелось, хотя бы в общих чертах, восстановить состояние умов в 1933 г. и показать, что, оглядываясь на прошлое, мы, может быть, приоткроем завесу будущего. Спор о третьем чине, о возможности его создания, о его необходимости позволил мне напомнить о той работе мысли, которая в непривычных уже для нас формах и в непостижимых условиях происходила в середине 1930-х гг. Позволю себе привести еще свидетельство одного из могикиан 1930-х, высказанное в 1983 г.: «Тридцатые годы — время глубоких противоречий, и тот, кто говорит об этой эпохе в общей форме, минуя горечь внутреннего конфликта, продолжает именно худшее в них, догматическое единообразие. Приведение всего к одному знаменателю возобладало в конце 1930-х годов, и все же было бы несправедливо предать забвению другие черты этой, богатой внутренним содержанием эпохи {...}. Когда я говорю о людях тридцатых годов, в памяти возникает живое чувство духовного подъема и отвращения к мутной идеологической схоластике, охватившей несколько поколений. Незабываемые страницы жизни! Несмотря на то что люди этого племени слишком верили в свои силы и пережили много дурного, способного вызвать разочарование, они не были раздавлены суровым ходом истории. Имей смелость ошибаться и мечтать, — сказал Шиллер».³⁴

Автор этих элегических, хотя во многом справедливых, воспоминаний Михаил Лифшиц — один из известнейших тогда, в 1930-е гг., эстетиков и сотрудников журнала «Литературный критик» (1933—1940). Естественно, когда он вспоминает о 30-х гг., то говорит о себе и своих единомышленниках, среди которых,

³¹ *Wirtschafter E. K. Social identity in imperial Russia. Decalb, 1997.*

³² Там же. С. 97.

³³ *Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999.*

³⁴ *Лифшиц М. В мире эстетики. Статьи 1969—1981 гг. М., 1985. С. 255.*